

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 48–54. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 48–54. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.6.4. Этнология, антропология и этнография
УДК 94(470)"1917"
EDN IGRROG
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Генералова Светлана Владимировна, аспирант Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, generalova_s69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Аннотация. Вопросы, связанные с изучением быта и повседневности политической элиты, обладают устойчивой научной значимостью, поскольку именно элитарные группы выступают ключевыми акторами, определяющими социальные, экономические и политические процессы в обществе. В работах по повседневности жителей Кремля отмечается, что с первых лет советской власти существовал особый порядок распределения товаров и жилья. Кроме того, подчеркивается наличие большого количества персонала, поддерживающего стиль жизни политической элиты – от дворников и домработниц до портних и гувернеров. При этом сами руководящие работники считали такое положение оправданным, хотя иногда в дискуссиях предлагали устраниить неравенство. В статье отдельное внимание уделено становлению Управления Кремлем и домами ВЦИК, которое занималось обслуживанием зданий, обеспечивало жителей топливом и прочими услугами. Помимо этого, затронута проблема снабжения продовольствием сотрудников руководящих органов. В статье сформулирован основной вывод, что, несмотря на эгалитарные ценности, чем дальше был октябрь 1917 г., тем больше становилась разница между обычными гражданами страны и руководящими работниками. Обеспечение жильем, продовольствием и медицинским обслуживанием советского гражданина зависело от его социального положения и должности.

Ключевые слова: элита, повседневность, быт, снабжение, привилегии, нормы, неравенство.

Для цитирования: Генералова С.В. Жизнеобеспечение политической элиты в первые годы советской власти // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

Research Article

THE LIFE SUPPORT OF THE POLITICAL ELITE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Svetlana V. Generalova, postgraduate at the Centre for Gender Studies, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, generalova_s69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Abstract. Issues related to the study of the everyday life of the political elite have a stable scientific significance, since it is elite groups that act as key actors determining social, economic and political processes in society. In the works on the daily life of Kremlin very important persons, it is noted that from the first years of Soviet power, there had been a special order for distribution of goods, accommodation and the presence of a large number of personnel supporting the lifestyle of the political elite – from yardmen and housekeepers to dressmakers and governesses. At the same time, the politicians themselves considered that situation justified, although they did at times propose elimination of the inequality. Special attention is paid to the establishment of the Management of the Kremlin and the houses of the Central Executive Committee, which was engaged in building maintenance, provision of fuel and other services. In addition, the article touches upon the problem of food supply to the staff of the governing structures. The article formulates the main conclusion that, despite egalitarian values, the further October 1917 went, the greater was the difference between ordinary Soviet citizens and senior officials. The provision of housing, food, and medical care to a Soviet citizen did depend on their social status and position.

Keywords: elite, everyday life, life, supply, privileges, norms, inequality.

For citation: Generalova S.V. The life support of the political elite in the early years of Soviet power. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-48-54>

Вопросы, связанные с изучением политической элиты, обладают устойчивой научной значимостью, поскольку именно элитарные группы выступают ключевыми акторами, определяющими социальные, экономические и политические процессы в обществе. Однако комплексных исследований, посвящённых материально-бытовым условиям жизни политической элиты в ранний период советской власти, недостаточно. В связи с этим представляется необходимым проанализировать систему жизнеобеспечения этой группы граждан в первые годы советской власти.

В последние годы появились работы, посвященные разным аспектам этого вопроса. В.С. Измозик и Н.Б. Лебина приходят к выводу, что уже к середине 1920-х большевистская элита отказывается от «революционного аскетизма», живет в отдельных квартирах; количество персонала, обслуживающего здания, возрастает даже по сравнению с царским временем [Измозик, Лебина]. А.Р. Клоц указывает, что «для советской элиты домашняя прислуга служила бытовым признаком власти, была маркером социального статуса и привилегированного потребления» [Клоц: 21]. Ю.Л. Слезкин отмечает, что в Доме правительства 2600 «ответственных работников» с семьями обслуживали «от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и др.» [Слезкин: 11]. Кроме того, почти все ответственные квартиросямщики имели право на дополнительную жилплощадь и пользовались спецраспределителями. О. Крайкова в статье «Непрерывная борьба из-за квартир...» [Крайкова] рассматривает все аспекты повседневной жизни Кремля в 1920–30-е гг. Т. Кондратьева смотрит на повседневность советских вождей в Кремле сквозь призму харизматического типа правления и замечает, что к 1930-м гг. у новых советских элит появился вкус к люксу, сформировался особый облик этой группы людей, который подчеркивал их избранность [Кондратьева: 114]. М.А. Виртанен анализирует способы получения одежды в предвоенные годы в СССР. Хотя в новом мире одежда должна была бы выражать «эгалитарные ценности», на деле для элиты даже в годы Гражданской войны были созданы закрытые распределители с конфискованной одеждой [Виртанен: 25, 32–33].

Таким образом, во всех работах отмечается особый порядок распределения товаров, жилья и наличие большого количества персонала, поддерживающего стиль жизни политической элиты – от дворников и домработниц до портних и гувернеров.

При этом закономерность привилегированного положения элиты в современной элитологии ни у кого не вызывает сомнений. М.А. Фельдман указывает, что основой благосостояния партийной номенклатуры, ее привилегированного положения в обществе стали

патрон-клиентские связи [Фельдман: 39]. А.В. Дука пишет о том, что элита может рассматриваться как социальная группа, контролирующая ресурсы и принимающая решения по их использованию в своих групповых интересах [Дука: 11, 14]. О.В. Гаман-Голутвина определяет политическую элиту как группу лиц, которая «отличается особыми социально-психологическими качествами, ценностями, стереотипами, нормами поведения, обладает властными ресурсами, что дает ей возможность принимать важнейшие политические решения, а также обеспечивает престиж и привилегированное положение» [Гаман-Голутвина, 99].

Изначально большевики придерживались эгалитарных ценностей, поэтому с первых дней советской власти они приступили к проведению революционных мер по понижению жалования высших служащих. В годы революции и Гражданской войны оклады ответственных работников мало отличались от заработной платы квалифицированных рабочих [Ходяков: 235–236].

Однако «ответственные работники» имели определенные привилегии, которые значительно повышали их уровень жизни. При этом они считали свое положение оправданным. Резолюция IX партийной конференции (Москва, 22–25 сентября 1920 г.) объясняла, что в условиях Гражданской войны появление ««ударных» (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников» было неизбежно, потому что на них было необходимо сосредоточить все силы и средства республики¹.

После переезда из Петрограда в Москву сотрудники Совнаркома и ВЦИК разместились на территории Кремля. Для проживания семей им были выделены квартиры – в Кремле и Домах Советов, в которые были преобразованы центральные гостиницы города, такие как «Националь», «Метрополь», «Петрограф» и другие. В мае 1919 г. было создано Управление Кремлем и домами ВЦИК. В задачи Управления входило хозяйственное обслуживание зданий, ремонтные работы, обеспечение топливом, продовольствием, организация мастерских по ремонту и пошиву одежды и обуви и прочие услуги².

Жилищный отдел Управления ведал учетом жилых и нежилых помещений и зданий, отвечал за вселение, выселение и перемещение населения домов. Для обслуживания жителей нанимали швейцаров, вахтеров, истопников, часовщиков, полотеров, уборщиц, водопроводчиков и прочий персонал.

В круг ведения материально-инвентарного отдела входил учет инвентаря, его хранение и распределение. Почти все имущество в квартирах Кремля и домов ВЦИК – от чайной ложки до шкафа – было казенным, выдавали предметы по запискам от жильцов. В случае перемены места жительства выданное ранее имущество было необходимо вернуть. Иногда

жильцы обращались в Управление с просьбой оставить им выданное имущество, так как они не имели ничего своего³.

В течение 1920 г. работала Комиссия по обследованию Кремля ЦК РКП и Президиума ВЦИК. В декабре она представила доклад, в котором указывалось, что жилищные условия наркомов и других высших руководителей (Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского и др.) хорошие, и эти товарищи в случае острой жилищной нужды могут быть уплотнены «без ущерба для работы»⁴.

Продовольственный отдел отвечал за снабжение и общее руководство столовыми⁵. 1 и 15 числа каждого месяца все проживающие в домах Управления и сотрудники, работающие на территории Кремля, получали обеденные карточки. Для сотрудников обслуживание было бесплатным, для «живущих не сотрудниками» – за установленную плату⁶.

О проблемах с продовольствием в 1919 г. упоминает Л.Д. Троцкий: «Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо» [Троцкий: 345]. Ему вторит кремлевский курсант Н.И. Данилов: «Суп состоял из воды, заболтанный ржавыми отрубями с запахом селедки, на второе была опять селедка с гарниром из пшеничной каши и жидкий чай с одним куском сахара» [Павлюченков: 245].

В августе 1919 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило «ввиду тяжелого продовольственного положения их и прямого голодаия их и их семей» выдать членам коллегий Народных комиссариатов пособие в 5000 рублей, повысить им оклады как «особо необходимых и выдающихся специалистов»⁷.

Проблема продовольствия была решена летом 1920 г., когда Совнарком принял решение о выдаче усиленных пайков для «совершенно незаменимых работников центральных учреждений». «Месячная норма пайка: муки – 20 фунтов, масла коровьего – 1,5 фунта, масла растительного – 2 фунта, чая – $\frac{1}{4}$ фунта, сахару – 1 фунт, соли – 1,5 фунта, крупы – 7 фунтов, рыбы – 10 фунтов, мяса – 10 фунтов, овощей – 1 пуд, мыла – 1 фунт, спичек – 3 коробки»⁸.

В это время существовало множество «специальных пайков». В 1920 г. для рабочих электротехнической промышленности установили повышенную норму хлеба в 36 фунтов в месяц⁹. Таким образом, по хлебу паек сотрудников Совнаркома не отличался от усиленных пайков рабочих и был даже меньше, но превышал их по маслу, мясу, рыбе и проч.

Методологически это неверно, но если сравнить «совнаркомовский паек» с современной потребительской корзиной, то окажется, что он превосходит её лишь по рыбе, по остальным продуктам нормы почти равны¹⁰.

Однако исследователи отмечают, что спецпайки выдавали в полном объеме, в то время как обычные

отоваривали в соответствии с наличием хлеба в распределительных органах. Так, А.А. Илюхов пишет, что весной и летом 1919 г. городское население потребляющих губерний получало на душу в среднем 1 фунт хлеба в день при минимальной потребности для работающего человека минимум 2,5 фунта, учитывая, что других продуктов почти не было [Илюхов: 28].

Все сотрудники Кремля получали обеды, а иногда и ужины в столовых Кремля, которые относились к разным ведомствам и имели разные нормы отпуска продуктов. Столовая ВЦИК обслуживала все учреждения Кремля. В июле 1920 г. она отпускала 2620 обедов и 450 ужинов, в ноябре 1920 г. – 3625 обедов и 750 ужинов в день. Столовая ЦК РКП в июле еще не существовала, в ноябре продуктов отпущено на 900 обедов. Столовая Коминтерна обслуживала делегатов Коминтерна (фиксировано 600 чел.)¹¹.

Столовая СНК обслуживала наркомов и их заместителей, членов ВЦИК и их кандидатов, членов коллегий, а также, с особого разрешения Президиума ВЦИК, отдельных ответственных работников. В ней самые высокие нормативы. В июле 1920 она обслуживала в день по 350 обедов и ужинов, в ноябре 1920 – по 425 обедов и ужинов. На одного человека в ноябре 1920 г. в столовой СНК израсходовано картофеля 7,4 кг, муки ржаной 9,2 кг, мяса 9,1 кг, масла сливочного 1,7 кг, сахара 1,2 кг, сардин 3 коробки, сыра 0,7 кг, чая 0,016 кг, икры паюсной 0,4 кг, рыбы красной 2,1 кг.

Изучив нормы питания сотрудников Кремля в период ноябрь 1920 – июль 1921, Комиссия по обследованию Кремля ЦК РКП и Президиума ВЦИК пришла к заключению, что «нормы столовой Совнаркома и особенно Коминтерна необходимо пересмотреть в сторону значительного сокращения». Также она рекомендовала систематизировать «выдачу» продуктов ответственным работникам, установив твердую норму, чтобы некоторые товарищи не получали «по несколько раз в месяц»¹². При этом предложение Комиссии выступить с отчетным докладом на X съезде партии, чтобы «устранить всякие кривотолки, циркулирующие среди масс трудящихся», не было принято к рассмотрению¹³.

В том же деле архива хранятся списки лиц, получавших продукты сверх пайка из продовольственного отдела ВЦИК в ноябре 1920 г. и июле 1921 г. В итоге безусловным лидером в получении продуктов в ноябре 1920 г. стал В.И. Ленин, который получил 60 ф. мяса, 60 яиц, 18 ф. сыра, 5 ф. масла сливочного, 10 ф. огурцов, $\frac{1}{4}$ ф. дрожжей, 40 ф. муки, 10 ф. пшена, 5 коробок сардин, 5 банок консервов, 12 ф. сахара, 5 ф. икры, 12 коробок спичек, 0,5 ф. желатина, 3 ф. монпасье, 30 ф. муки ржаной, 2 ф. манной крупы, $\frac{1}{4}$ ф. чая, 0,5 ф. кофе, 100 шт. папирос, 2 ф. сала¹⁴.

По всей видимости, эти продукты предназначались не только для семьи самого В.И. Ленина, которая состояла из жены и сестры, но также для семьи его старшей сестры А.И. Ульяновой-Елизаровой и брата Д.И. Ульянова. С учетом всех родственников получается 6 взрослых и 2 ребенка (сын Дмитрия и воспитанник Анны). Указанная выдача добавила к пайку и столовым на человека ежедневно около 100 г мяса, 30 г сыра, 20 г сахара, по 8 г сливочного масла и икры.

В июле 1921 г., если смотреть те же списки, Ульяновы не взяли почти ничего – 10 ф. сахара, 3 ф. хлеба, 2 ф. кофе, 2 ф. масла сливочного, 5 ф. сыра¹⁵. Возможно, это объясняется тем, что в это время Ленин по решению ПБ ЦК РКП отправлен в отпуск, который он проводил со своей семьей в усадьбе Горки¹⁶.

Указанные списки позволяют лишь констатировать, что, кроме совнаркомовских пайков, высшее руководство страны дополнительно получало продукты из продотдела ВЦИК. Как часто можно было туда обращаться, какие нормы существовали или их не было в принципе – сказать сложно. В докладе речь идет о необходимости регламентировать эти выдачи, потому что некоторые товарищи обращаются «по несколько раз». Также мы можем судить о том, какие продукты в принципе могли быть в составе этих «продуктовых корзин». Так, в ноябре 1920 г. А.М. Коллонтай не получала никаких продуктов, в июле 1921 ей выдано 5 ф. муки белой, 9 ф. сахара, 9 ф. масла сливочного, 1 ф. икры, 2 пуда муки ржаной, 10 ф. пшена, 6 ф. компота, 7 ф. риса, 2 коробки сардин, 7 ф. сыра, 1 ф. кофе, 0,5 ф. чая, 3 ф. меда. Н.В. Крыленко упоминается лишь в июле 1921 г., когда ему выдали 3 ф. риса, 3 ф. манной крупы, 1 ф. чая, 20 ф. соли, 3 ф. мыла, 3 ф. риса, 2 ф. сыра, 10 ф. сахара¹⁷.

С учетом совнаркомовского пайка, выдач из продовольственного отдела ВЦИК и норм столовых получается, что в день члены правительства и их семьи получали на одного человека более 400 г мяса или рыбы, около 100 г круп, 25 г масла сливочного на человека в день, что для этого периода представляется более чем удивительно.

Нормы выдачи продуктов в 1920 – начале 1921 г. стабильны, несмотря на начинающийся голод. Сводки ОГПУ отмечают озлобленное настроение населения, рост бандитизма, низкую урожайность в ходе уборочной кампании лета 1921 г., плохое снабжение городов¹⁸.

К 1922 г. система снабжения высшего руководства была налажена окончательно. Доклад-отчет «О деятельности Управделами секретариата ЦК РКП и его отделов за время с 20 июля по 20 сентября 1922 г.» отмечает: основными вопросами хозколлектива за истекший период следует считать заготовительную работу и жилищный вопрос. «На продскладах имеется продуктов, коими можно обеспечить сотруд-

ников ЦК пайком на 7 месяцев», некоторых продуктов – на 1 год. За отчетный период было закуплено через НКВт 101 пуд какао, 794 п. сельди, 746 п. сахара, 700 п. риса, в разных трестах – 140 000 папирес, 1296 банок консервов, 400 пудов яблок. Указанные продукты продавались сотрудникам по цене на 40–100 % ниже рыночной. Документ подтверждает, что чем выше была занимаемая должность, тем ниже были цены, по которым отпускались товары. Также комиссия приняла меры для снабжения сотрудников мануфактурой, галошами и прочими товарами. По губкомам распределено 31 266 пайков¹⁹.

Остатками обедов столовых «откармливают скот в совхозе» Литвиново, который обслуживает ведомственные распределители и столовые. Ведомственные хозяйства были у большинства организаций. Так, у ВЧК был совхоз в Костино (усадьба А.Н. Крафта), у Наркомата земледелия – в Воскресенском (усадьба Н.К. фон Мекк), у ВЦИК – совхоз Горки (усадьба З.Г. Морозовой-Рейнбот). Как правило, до национализации на местах совхозов располагались передовые хозяйства, принадлежавшие частным лицам.

В целом по стране положение с продовольствием осенью 1922 г. удовлетворительное, о чем сообщают сводки ОГРУ – урожай в основных производящих районах хороший, крестьяне сдают продналог в срок: «16 сентября. Ярославская губ. Настроение крестьян хорошее... Продналоговая кампания проходит успешно»²⁰.

В Управление входил также транспортный отдел. Он организовывал содержание и эксплуатацию гужевого и автомобильного транспорта – заготовка фуража и топлива, уход и ремонт, руководство шоферами и конюхами.

В организации собственных лечебных учреждений в Кремле важную роль сыграла крайне тяжелая санитарно-эпидемиологическая ситуация в 1918–1920 гг., которая сложилась в стране в целом и в Кремле в частности. К октябрю 1918 г. на территории Кремля были созданы больница и амбулатория. Первоначально их услугами могли пользоваться все жители Кремля. Однако по мере снижения опасности заражения встал вопрос об упорядочении системы прикрепления к кремлевской амбулатории и больнице. В январе 1920 г. малый Совнарком принял решение о необходимости проверки больных «со стороны их социального положения и должности, занимаемых ими на советской службе»²¹. Профессор П.Н. Обровсов в записке о необходимости сохранения особого статуса кремлевской больницы писал, что «санитарно-лечебная организация Кремля имеет достаточные основания для того, чтобы быть учреждениями sui generis /своего рода/... Нашего больного... нельзя ставить... в обычные рамки ухода и содержания... восстановления деятельности [этого больного]

в кратчайшее время ждет, быть может, чуть ли не половина республики» [Медицина: 95].

Не менее тяжелой была и ситуация с лекарствами. В апреле 1919 г. на территории Кремля открыли аптеку, бесплатную для большинства посетителей²². Сначала в ней обслуживались все, кто имел возможность войти на территорию Кремля. Однако, как и в случае с медицинским обслуживанием, аптека Кремля оказалась неспособной удовлетворить всех желающих. Поэтому со временем встал вопрос о составлении списков на отпуск медикаментов, согласованных с управделами Совнаркома [Зарубин: 27]. В начале 1920 г. аптеку включили в « первую очередь в план снабжения медикаментами из-за границы» и выделили дополнительные средства в размере 5 млн рублей [Медицина: 102–103].

С окончанием Гражданской войны эпидемии почти прекратились, задачей Лечсанупра стало повышение качества и количества медицинской помощи [Миронов: 95].

В рамках данной темы важно отметить резолюцию «О материальном положении активных партработников», принятую на XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей 4–7 августа 1922 г. Обычным членам партии было предложено не питать иллюзий относительно возможности улучшения бытowych условий за счет партии. Однако для активных партработников (то есть руководителей) было решено повысить оклады, обеспечить их «в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования детей (через Наркомпрос)». Таким образом, партия продолжила курс на сохранение неравенства своих членов, сосредотачивая силы и средства на особо ценных работниках, обязывая советские и государственные учреждения обеспечивать им комфортные условия жизни. Указанную резолюцию можно считать анонсом официальной системы льгот для партийного аппарата.

Таким образом, можно сделать вывод, что после прихода к власти большевистское правительство придерживалось эгалитарных ценностей. Зарплата руководителей партии и государства была кратна, а иногда и равна зарплате квалифицированных рабочих. Однако законы, касающиеся элиты, справедливы и для высших чиновников Советской России, хотя само слово в отношении них никогда не упоминалось. Являясь группой, контролирующей ресурсы и принимающей решения по их использованию, она неизбежно должна была прийти к привилегированному самоснабжению. Что и прозвучало в Резолюции IX партийной конференции, которая зафиксировала, что появление фактически привилегированных ведомств и групп работников, на которых сосредоточены все силы и средства республики, неизбежно.

Все сотрудники центральных учреждений прикреплялись к кремлевским столовым. В 1918–1919 гг. питание в них было скучным, но с 1920 г. нормы продуктов в столовых стали высокими, а меню разнообразным. С момента принятия Положения о выдаче усиленных пайков летом 1920 г. для «совершенно незаменимых работников центральных учреждений» можно говорить о складывании системы привилегированного снабжения. По нормам этот паек значительно превышал усиленные пайки квалифицированных рабочих. И конечно же, товары «ответственным работникам» отпускались по самым низким ценам.

Плохое снабжение этой группы продовольствием в годы Гражданской войны связано скорее с неумением организовать это снабжение, чем с отсутствием ресурсной базы. Доказательством этого вывода может служить то, что в 1921 г. снабжение ответственных сотрудников центральных учреждений оставалось достаточным, несмотря на начинаящийся в стране голод.

Жилищный вопрос для высших чиновников в принципе не стоял. Как показали доклады Комиссии по обследованию Кремля и домов ВЦИК 1920 г., товарищи из этой группы «в случае острой жилищной нужды могут быть уплотнены без ущерба для работы».

В дальнейшем система жизнеобеспечения элиты развивалась, но ее общий принцип – специальное снабжение, специальное медицинское обслуживание, специальное жилье – сохранялся.

Резолюция «О материальном положении активных партработников», принятая на XII Всероссийской конференции РКП(б) (1922 г.) стала анонсом официальной системы льгот для партийного аппарата.

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. Москва, 1983. С. 302.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–7.

³ ГАРФ. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 103. Л. 30, 35, 39, 40, 41. Д. 110. Л. 1–7.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 34–36.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 11, 33.

⁸ Декреты Советской власти. Т. IX. Июнь – июль 1920 г. Москва: Политиздат, 1978. С. 335–336.

⁹ Там же. С. 298.

¹⁰ Состав потребительской корзины. URL: <https://journal.sovcombank.ru/glossarii/potrebiteskaya-korzina-chto-eto-sostav-i-stoimost> (дата обращения: 28.08.2025).

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 51–57.

¹² Там же. Л. 34–36.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ Биохроника В.И. Ленина. Т. XI (июль – ноябрь 1921). URL: <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/111-tom-xi-iyul-noyabr-1921/3954-iyul-1921-tretya-dekada.html> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 19.

¹⁸ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. С. 384–386, 460–465.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 692–693.

²¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 393. Л. 5.

²² ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 3. Д. 350. Л. 64 об.

Список литературы

Виртанен М.А. Советская мода. 1917–1991. Москва: Язуа: Дримбук, 2021. 560 с.

Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 4. С. 97–103.

Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920–30-х годов. URL: https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04.2025).

Зарубин Г.П. Санитарный надзор Кремля в первые годы Советской власти. Москва: [Б. и.], 1967. 204 с.

Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 261 с.

Клоц А.Р. Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Челябинск, 2012. 28 с.

Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 207 с.

Крайкова О.К. «Непрерывная борьба из-за квартир...»: Повседневная жизнь Кремля в 1920–30-е гг. Родина. 2011. № 8. С. 33–42.

Кремлевская медицина (От истоков до наших дней) / С.П. Миронов, Ю.Л. Перов, В.М. Цветков, В.М. Ястребов. Москва: Известия, 1997. 296 с.

Медицина и власть в России. Лечебно-санитарное управление Кремля. Москва: ИГ «ГЭОТАР-Медиа», 2024. 304 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. Москва: РКТ-История, 1997. 270 с.

Слезкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции. Москва: АСТ, 2019. 976 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Москва: Вагриус, 2001. 572 с.

Ходяков В.М. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 312 с.

Фельдман М.А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 4. С. 29–45.

References

Duka A.V. *Elity v krizisnom obshchestve* [Elites in a crisis society]. *Vlast' i elity* [Power and the elite], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 5–36.

Gaman-Golutvina O.V. *Opredelenie osnovnyh poniatij elitologii* [Definition of basic concepts of elitiology]. *Polis* [Policy], 2000, no. 4, pp. 97–103.

Il'iukhov A.A. *Zhizn' v epokhu peremen: material'noe polozhenie gorodskikh zhitelei v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny (1917–1921 gg.)* [Life in an era of change: The financial situation of urban residents during the Revolution and the Civil War (1917–1921)]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2007, 261 p.

Izmozik V.S., Lebina N.B. *Zhilishchnyi vopros v bytu leningradskoi partiino-sovetskoi nomenklatury 1920–30-kh godov* [The housing issue in the everyday life of the Leningrad Party-Soviet nomenclatura of the 1920s and 1930s]. URL: https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=& (access date: 04.03.2025).

Feldman M.A. *Sovetskaya elita 1930-h gg.: problema identifikacii* [The Soviet elite of the 1930s: the problem of identification]. Discourse-Pi, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 29–45.

Khodiakov V.M. *Den'gi revoliutsii i Grazhdanskoi voiny: 1917–1920 gody* [The Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University Publ., 2019, 312 p.

Klots A.R. *Domashniaia prisluga kak sotsial'nyi fenomen epokhi stalinizma* [Domestic service as a social phenomenon of the era of Stalinism], PNRU. Chelyabinsk, 2012, 28 p.

Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [To feed and edit: On power in Russia of the XVI–XX centuries]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2006, 207 p.

Kraikova O. «*Neprepyrnaiia bor'ba iz-za kvarтир*»: *Povsednevnaia zhizn' Kremlia v 1920–30-e gg.* [“The continuous struggle over apartments.” Daily life of the Kremlin in the 1920s–1930s]. Rodina [Homeland], 2011, no. 8, pp. 33–42.

Kremlevskaia meditsina (Ot istokov do nashikh dnei) [Kremlin medicine (From its origins to the present day)], S.P. Mironov, Iu.L. Perov, V.M. Tsvetkov, V.M. Iastrebov. Moscow, Izvestia Publ., 1997, 296 p.

Meditsina i vlast' v Rossii: Lecheno-sanitarnoe upravlenie Kremlia [Medicine and power in Russia: The Kremlin's Medical and Sanitary Administration]. Moscow, IG GEOTAR-Media Publ., 2024, 304 p.

Pavluchenkov S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlasti i massa* [War communism in Russia: the authorities and the masses]. Moscow, 1997, 270 p.

Slezkin Iu.L. *Dom pravitel'stva* [Government House]. Moscow, AST Publ., 2019. URL: <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revoljutii> (of access date: 06.15.2023).

Trotskii L.D. *Moia zhizn'* [My life]. Moscow, Vagrus Publ., 2001, 572 p.

Virtanen M.A. *Sovetskaya moda, 1917–1991* [Soviet fashion, 1917–1991] Moscow, Yauza Publ., Drimbuk Publ., 2021, 560 p.

Zarubin G.P. *Sanitarnyi nadzor Kremlia v pervye gody Sovetskoi vlasti* [Sanitary supervision of the Kremlin in the early years of Soviet power]. Moscow, 1967, 204 p.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.